

Любомир Габор (Братислава)

ОТБРАЖЕНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ НЕКОТОРЫХ ВЕЩЕСТВ В ФОЛЬКЛОРНЫХ ИСТОЧНИКАХ¹

В данной статье мы постараемся рассмотреть метафорический (символический) образ воды и вина (в отдельных случаях воды, молока и меда), который находит культурную фиксацию в соответствующих жанрах словацкого фольклора. Несмотря на то, что лексический концепт воды и вина в «славянском» этнолингвистическом контексте уже неоднократно служил предметом анализа², до сих пор отсутствуют исследования, где бы подробно рассматривался именно словацкий фольклорный материал. Поэтому мы в данной статье будем опираться на предшествующие исследования в области культурной символики, т. е. на уже реконструированные концепты воды и вина в культурном пространстве Славии³, при этом мы постараемся дополнить соответствующую предметную область картиной взаимосвязей указанных веществ в словацком фольклорном контексте.

Основной базой источников для нас послужили прежде всего фольклорные жанры: сказки и повести словацкого происхождения, которые также будут дополнены более короткими жанрами устного народного

¹ В статье представлены результаты исследования в рамках работы над проектом „Linguistic and Ethnocultural Dynamics of Traditional and Non-traditional Values in the Slavic World“ / «Лингвистическая и этнокультурная динамика традиционных и нетрадиционных ценностей в славянском мире», LED-SW; ERA.NET RUS Plus; RUS_ST2017-472.

² Здесь надо упомянуть в первую очередь этнолингвистические словари, в которых даны определения культурным концептам данных веществ, например “Słownik stereotypów i symboli ludowych. Tom 1 Kosmos — ziemia, woda, podziemie”. Lublin, 1999 и «Славянские древности. Этнолингвистический словарь» Т. 1–5. М., 1995–2012.

³ Здесь мы должны упомянуть в первую очередь работы польских исследовательниц Э. Вилчиньской (Wilczyńska 2014) и У. Майер-Барановской (Majer-Baranowska 1995), что касается образа вина, мы работали с соответствующей статьей «Вино» (Толстой 1995).

творчества — пословицами и поговорками, расширяющими и подтверждающими картину рассматриваемой ценностной фиксации отношения упомянутых напитков в фольклорной символикe. Заявленные взаимосвязи мы будем рассматривать на базе фольклорных нарративных текстов из собрания Павла Добшинского, Самуэля Цамбела⁴ и Адольфа П. Затурецкого.

При выборе корпуса текстов мы исходили из концепции Е. Бартаминского (1990), который указывает на взаимосвязь пословиц и сказочной фабулы. Согласно его концепции, пословицы устанавливают ситуативные клише, которые впоследствии применяются для иденти-

⁴ Мы используем издание источников «Сборник народной прозы» Самуэля Цамбела под ред. К. Женюховой (Žeňichová 2014), поскольку это комплексное издание, которое содержит критические комментарии: книга содержит фольклорные тексты, записанные на диалекте главным образом в условиях непосредственного полевого этнографического (фольклорного) обследования, которое проводилось в восточной и средней Словакии в начале 20 в., кроме того, последовательно приводится конкретный информант / источник предоставленных нарративов. В этом смысле фольклорные тексты, зафиксированные Цамбелом, можно считать подходящим источником для иллюстрации рассматриваемой мотивики в словацком устном народном творчестве, при этом они существенно не отклоняются от структурно зафиксированного образа (фольклорного инварианта) в нарративной фольклорной традиции на территории Словакии (в сравнении с записями фольклорных нарративов, собранных до и после того, как Цамбел начал фиксировать тексты). Поскольку речь идет о сравнительно поздней записи нарративов в ходе полевой работы, мы также используем собрание сказок «Prostonárodné slovenské povesti» (Словацкие простонародные сказки), издание 1958 г. (исправленное и отредактированное общее издание «Slovenských povestí» (Словацкие сказки) П. Добшинского и А. Г. Шкульгети и «Prostonárodných slovenských povestí» (Словацких простонародных сказок) П. Добшинского), в котором содержится множество ценных нарративных вариантов, пусть даже исправленных и стилизованных составителями на основе доступных списков текстов, записанных и собранных у информантов в фольклорной среде главным образом в первой половине 19 в. Деятельность П. Добшинского (в т. ч. в рамках упомянутого издания) тем самым позволила опубликовать богатейшее собрание фольклорных вариантов с территории Словакии 19 в.

В данном случае мы работаем с оцифрованным изданием, которое в электронной форме было опубликовано в 2008 г. на интернет-портале: https://zlatyfond.sme.sk/dielo/585/Dobsinsky_Prostonarodne-slovenske-povesti-Prvy-zvazok.

Для иллюстрации рассматриваемых явлений в кратких жанрах устного народного творчества мы используем записи Адольфа П. Затурецкого из книги «Slovenské príslovia, porekadlá a úslovia» (Словацкие пословицы, поговорки и прибаутки), вышедшей во второй половине 19 в., они являются наиболее комплексным собранием текстов такого жанра в Словакии (Затурецкий опубликовал в своем собрании около 13 000 пословиц и поговорок). В исследовании мы пользовались новейшим репринтом тома, изданным в 2018 г. (Záturský 2018), исходно репринт вышел с редакторской правкой М. Косовой в издательстве Tatran в 1975 г. с критическими комментариями и вводной статьей А. Мелихерчика.

фикации новых ситуаций. В связи с этим важен тот факт, что пословицы сближаются со сказкой. Сказочная фабула перекидывает своего рода мостик к пословице, которая идентифицирует принадлежность конкретного случая к определенному типу⁵.

Анализ корпуса текстов нарративного фольклора словацкого происхождения показывает, что вода и вино (а также и другие вещества) воспринимались в качестве культурных символов с идентичным спектром значений и функций, которые в конкретных ситуациях находили свое выражение в сходной мотивике. Повторяющиеся мотивные аналогии между упомянутыми веществами позволяют нам говорить об их подчеркнутой синонимии⁶.

В первую очередь между водой и вином (также между водой и молоком, реже медом) в словацком нарративном фольклоре формировались не только аналогии — прямые либо косвенные. Существует также целый ряд текстов, в нарративной структуре которых они взаимно сближаются, переплетаются, взаимно обуславливают либо исключают друг друга. Такие случаи были проанализированы нами на материале доступного корпуса источников, и в настоящей статье мы рассмотрим их отдельно. Из их многопланового культурно-релевантного спектра функций для данной статьи мы выбрали те мотивные аналогии, которые в фольклоре, как культурной памяти общества, фигурируют наиболее часто, т. е. такие, в которых данные вещества взаимосвязаны с жизнью и смертью как символическими ценностями в различных формах.

Мы не думаем, однако, что отождествление воды с вином (также с молоком/медом) в словацком нарративном фольклоре могло быть связано с тем, что носители культуры воспринимали отдельные вещества в качестве идентичных. Обе жидкости использовались в повседневной

⁵ Е. Бартми́нский (Bartmiński 2012: 33) вместе с тем констатирует: „Proverbs are based on typical events and figures from the represented world, which allows one to use them as linguistic evidence in the reconstruction of the worldview“. [Пословицы базируются на типичных событиях и символах отображаемого мира, которые позволяют нам использовать их в качестве языкового свидетельства при реконструкции взглядов на мир]

⁶ Понятие культурной синонимии разрабатывается в первую очередь представителями российской этнолингвистической школы. Н. И. Толстой (Tolstoj 2016: 20) обращает внимание на явление, когда предмет на основе конкретного доминантного признака может вступать в отношения синонимии с другими предметами. Например, семантика «металл» вводит нож в круг лечебной или очистительной магии, тем самым он вступает в синонимические отношения с другими металлическими предметами: серпом, косой, топором и др.

жизни. Они представляли собой феномены, с которыми общество часто и довольно регулярно осуществляло конфронтацию (только в качестве иллюстрации можно констатировать, что в историческом срезе словацкой художественной литературы вино занимает доминирующую позицию относительно других алкогольных напитков). Неудивительно поэтому, что данная конфронтация приводила к постепенной образной стилизации сходств и различий указанных веществ и мотивировала носителей культуры к их сопоставлению и отождествлению в конкретных текстах нарративного фольклора (где они неоднократно фигурируют в тождественных моментах и мотивах).

Вода и вино обнаруживают в рамках культурной символики словацкого фольклора позитивные и негативные коннотации⁷. Собственно говоря, структурное переплетение мотивов в культурной метафорике находит свое отражение в раздельном восприятии каждой субстанции, существование которой возможно лишь при условии, что в рамках контекста равноценно фигурирует и ее функциональный антипод.

Вода как символ в фольклоре вступает в особые отношения и с другими веществами — помимо вина, с медом, молоком, даже с пивом, которые польская этнолингвистическая школа рассматривает в составе оппозиций, обращая внимание также на случаи, в которых вода замещается вином либо же молоком, золотом или кровью (Majer-Baranowska 1999: 158–160). Сложившиеся в фольклоре образы воды и остальных веществ здесь не просто взаимоисключают друг друга, но специфическим образом дополняют, замещают и включают в себя друг друга, тем самым формируется конкретная система общественно-культурных ценностей.

⁷ Предваряя рассуждения о сложных прямых либо косвенных символических и культурных взаимосвязях воды, меда, молока, вина (крови), а также пива, можно отослать читателя к эссе французского философа Р. Барта (Barthes 2004: 55–58), который пишет об оппозитивном противопоставлении в качестве культурных символов вина (также крови как его функциональной ипостаси) и воды/молока. С его точки зрения, вино является не только волшебным напитком, представляющим основу для мифологии: вера в магию вина также представляет собой обязательный коллективный акт. Вино несет насилие, оно обнажает скрытые связи, делает возможными преступления, несчастья и разрушения, это „театральное“ зло фатального характера, не имеющее внутренней природы. При этом оно участвует в акте социализации и формирования коллективной морали. Антиподом вина в мифологическом плане является вода либо же, в современную эпоху, скорее молоко. Молоко как „анти-вино“ и противоположность огня при таком подходе является чистым, обволакивающим, невинным, оно созидает и творит, выступает залогом силы — спокойной, белой, ясной и бесстрашной.

Здесь можно лишь добавить, что функциональная аналогия воды и вина в словацком фольклоре проявляет себя чаще и интенсивнее, нежели аналогии между другими веществами (например, медом или молоком), которые выступают тут как культурные символы, обладающие магической силой. Такую неслучайную фиксацию напитков в общих символических конфигурациях, присутствующих в текстовых структурах сюжетных нарративов, можно независимо друг от друга наблюдать при использовании конкретных мотивов в мифопоэтических традициях многих европейских культурных сообществ⁸. Функциональное исполь-

⁸ Можно лишь добавить, что справедливость семантико-функционального переплетения данных веществ в некоторых культурных сообществах индоевропейского круга (древнеисландских и славянских) дополнительно подтверждает представление, согласно которому молоко, мед и вино соединяются в образе рек, вытекающих из определенного священного мифологического пространства (из рая или из драконых голов): «... *il y aura là des ruisseaux d'un lait au goût inaltérable, et des ruisseaux d'un vin délicieux à boire, ainsi que des ruisseaux d'un miel purifié* (цит. по Pitte 2004: 56) [... Там будут потоки молока неизменного вкуса, потоки сладкого вина, а также потоки чистого меда.» (перев. авт.)]

Символический образ трех рек — молочной, винной и пшеничной, — вытекающих из трех голов дракона, мы находим в одной болгарской легенде. (Подробнее см.: Толстая 2002: 301–303).

Мед в символическом соединении с вином и ритуальными напитками в контексте празднеств можно встретить и в русском фольклоре, что демонстрирует, к примеру, наличие символического употребления образа в русской народной сказке «Данило бесчастный», где представлены реки как символы магической границы, они наполнены четырьмя различными веществами, обладающими магической силой — это пиво, мед, вино и водка. Данные вещества могут ослабить либо остановить актантов события, и переход сквозь них символизирует акт «инициации»: *The Prince and Princess made to be guests, and they set out on their journey with all their noble host with them, crossed the first river, which ran with splendid beer. And very many soldiers fell down by that beer. Then they advanced to the second river, which ran with wonderful mead, and more of the half of the brave host bent down to drink the mead and rolled on their sides. So they came to the third river, which ran with glorious wine. Here all the officers bent down and drank till they were drunk. At the fourth river powerful vodka flowed* (цит. по Afanasjev 1916: 27–28) — [«Срядился князь со княгиней в гости и поехал в путь-дорогу со всем храбрым воинством. К первой реке подъехал — славное пиво бежит; около того пива много солдат попадало. К другой реке подъехал — славный мед бежит; больше половины войска храброго тому меду поклонилосся, на бок повалилосся. К третьей реке подъехал — славное вино бежит; тут офицеры кидалися, допяна напивалися. К четвертой реке подъехал — бежит крепкая водка»].

Соединение меда и вина как веществ, используемых в других случаях (например, в связи с живительной энергией) встречается также в финальных формулах некоторых других русских сказочных текстов. В качестве иллюстрации можно привести отрывок из сказки «Царевич и его дядька»: *So they celebrated a merry wedding and held a great feast. In a Tsar's palace mead has not to be brewed or any wine to be drawn; there is always enough ready* (Afanasjev 1916: 143–144) —

зование названных напитков в ритуальной сфере имеет в т. ч. на этом основании неоспоримое ритуальное значение⁹.

Вода как культурный знак обладает жизненной ценностью *par excellence*, поскольку имеет для этого естественную презумпцию, связанную с ее ролью в обществе. Именно поэтому в большинстве мировых культур она предстает как стихия, которая породила жизнь и которая присутствовала при сотворении мира¹⁰. Ритуальный и мифологический характер воды проявляется в многомерности ее функций — общеизвестны ее свойства в космогонии, магии любви и плодородия, вода лечит и охраняет от болезней, придает магическую силу, может предать проклятию и вернуть жизнь (подробнее см. Wilczyńska 2014: 3–10)¹¹.

[«Сейчас веселым пирком, да и за свадебку; у царя ни мед варить, ни вино курить — всего вдоволь!»] В словацком фольклоре мы в аналогичных позициях фиксировали бы скорее появление символического вина, реже (особенно у П. Добшинского) пища также может быть приготовлена из меда.

Мед и вино в комплементарных отношениях фигурируют и в польском фольклоре — они отшучиваются, к примеру, в свадебных песнях: *Powijjże, wiatreńku, okienkiem po świtlence,/ po cisowych stolach i po nadobnych żonach,/ co miód-wino piłi i kurowaj lipili* (Цит. по Bartmiński 2016: 41).

В. Пропп (Propp 1987: 198) обращает внимание на русские сказочные мотивы, в которых фигурирует напиток из меда и вина, обладающий магической функцией на время останавливать вредителя (например, лесного духа) — вредитель в данном случае оказывается побежденным либо парализованным, либо он засыпает после того, как выпьет напиток. Данный мотив В. Пропп связывает с другими античными или средневековыми фабульными типами, в которых, например, в некоторый источник воды подливают вино для того, чтобы обмануть и обезвредить противника — вредитель (противник) выпивает этот напиток, после чего обычно засыпает. В качестве дополнения можно заметить, что мотив использования сильного меда и вина в качестве символических средств для того, чтобы временно подчинить себе противника (сила противника здесь временно деактуализирована аналогичным способом — противник после принятия таких напитков сонный и ослабленный) встречается также в сюжете о Соломоне и Китоврасе, который подробно анализировал Я. С. Лурье (Lur'e 1964).

⁹ Ритуальное магическое значение отношения меда и (живой) воды или вина в балтийской культурной среде исследовал Я. А. Греймас (Greimas 1985: 26, 210–215). Исследователь отмечает в первую очередь неслучайность и уникальность символической функции напитка, который возникает в результате смешивания меда и водки (автор обозначает ее термином „*sang de marti*“ — букв. “невесткина кровь” (лит. *marti* ‘сноха, невестка’)) и используется как выпиваемое в круговую ритуальное питье для тех, кто присутствует на свадьбе, а также на других обрядах, направленных на сплочение сообщества, — вместе с тем автор констатирует символическое значение напитка в переходных ритуалах.

¹⁰ На дуальный религиозный характер воды указывает У. Майер-Барановска (Majer-Baranowska 1995: 115–128).

¹¹ В фольклорных источниках водная символика присутствует, например, в образах живой и мертвой (также сильной и слабой) воды, получение и питье которых

В связи с этим не только вода, но и вино как культурный символ в словацком фольклоре обладает свойством исцелять (влиять на жизнь конкретным способом), что отчетливо проявляется, к примеру, в пословицах и поговорках. Вода по большей части воспринимается как лекарство чистое и естественное. А. П. Затурецкий (*Záturecký* 2018: 109) приводит фразу, заимствованную из собрания Челаковского: *Чистая вода — первое лекарство на свете*; вино, однако, как лекарство в словацкой культуре дополнительно приобретает шуточный, ироничный подтекст. С вином связана шуточная поговорка: *Miškovskými kvapkami sa kurije* («Мишковскими каплями окуривают»), т. е. лечат вином (*Záturecký* 2018: 100).

Можно констатировать, что ассоциативная символика воды в словацком фольклоре позволяет сформировать метафорический (находящий отражение в культурной символике) образ воды как универсального магического средства, которое дает фольклорным актантам жизнь:

▶ дать/жизнь (т.е. вернуть жизнь): *A keď zbojníci prišli, našli Haničku mŕtvu i veľmi sa zľákli. [...] I dobre, dali sa hu oblievať vodov aj z nej šetko trhať* (Žeňuchová 2014: 350); *No, a teraz, povedá, načri si ešte z tej vody do krčička, a keď nájdeš na ceste trebárs z čoho srst' alebo čo takého, zmoč ho dnu, hneď ožije* (Dobšinský I 2008: 186) «Пришли разбойники, видят, Аничка мертвая лежит, испугались они. [...] Что делать, стали они ее обливать водой и рвать на ней одежду» (Žeňuchová 2014: 350); «А сейчас, говорит он, набери этой воды себе во флягу и, когда найдешь на дороге чью-то шерсть или что-то подобное, смочи ее водой, и сразу оживет» (Dobšinský I 2008: 186);

▶ защитить / исцелить: *Ta še ešči napij tej vodi, že pridžeš ku sebe [...] Tak on še napil z tej vodi a prišol calkom ku zdravju* «Напейся воды, и тебе станет лучше. [...] Он напился этой воды и полностью выздоровел» (Žeňuchová 2014: 49);

предполагают самостоятельные и при этом функционально взаимосвязанные ритуальные акты. С водой также связаны и магические практики, обладающие исключительным сакральным значением: ритуалы гадания, жертвоприношения и клятвы, которые укрепляли право и систему культурного сообщества (*communitas*). Питье воды связано и с ритуальными актами по передаче емкости всем присутствующим перед тем, как эту воду выпить, известно также ритуальное молчание, зачерпывание, приготовление на воде, перекрещивание воды, освящение ее и др. Ее характер, однако, имеет важную дуальную природу. Вода воспринимается как сфера хтонических сил, она является прибежищем дьявола, в ней человека поджидает смерть, вода может быть чуждой и небезопасной.

Ona sa nachýlila k studničke a tu vidí svoje odťaté ruky! A ako kypťiky do vody zamočila, hneď sa jej ruky pekne spolu zrástli. Potom ten staručký zamočil prst do tej studničky, potrel podrezané hrdielca dietkam a tie naskutku ožili «Она наклонилась к колодцу и видит там свои отрубленные руки! Смочила она обрубки рук водой и сразу ее руки опять выросли, как были. Потом старик смочил палец водой из колодца, провел детям по перерезанным горлам, и дети вдруг ожили» (Dobšinský I 2008: 139);

► улучшить (омолаживает или придает красоту / силу, дарует спокойствие — безопасность): *Tak mu hovoria, že by dať tú vodu, že hu odnesú. Voni s tou vodou ujšli. Zali mu aj koňa. Až prišli g otcovi svojmu. Dali mu tú vodu. Umeň sa a velmo ostaň mladý* «И говорят ему, пусть он даст воды, ему отнесут. И взяли они воды. Взяли его коня. И пришли к своему отцу. Дали ему той воды. Он умылся ей и сразу помолодел» (Žeňuchová 2014: 444);

Farar mu poveda, že to ňebarz bezpečno, aľe žebi se obcirkľoval švecenu vodu a že tak obstoi v pokoju «Священник говорит ему, это может быть опасно, пусть он окропит себя святой водой, и все будет в порядке» (Žeňuchová 2014: 133);

Daj mi Janko druhý pohár vody, buďeš mať z tohto sveta dve čiastky. I tretí pohár vody mu podať. I tretia obruč odskočila. Z toho suda vyleťeu knofťivták «Дай мне, Янко, второй стакан воды, будет у тебя отсюда две части. И третий стакан воды он ему подал. И третий обруч отскочил. И вылетела из бочки кнофтиптица [тип вредителя. — L. G.]]» (Žeňuchová 2014: 442)¹².

12

Большинство вариантов данного фольклорного инварианта содержат в нарративах мотив питья живительного вина, благодаря которому скованный вредитель (как правило, дракон) обретает свободу и похищает принцессу. В некоторых случаях вино, впрочем, становится прямой заменой воды как магического средства, активизирующего участников действия. Здесь можно упомянуть вариант сюжета, в котором герой предлагает вредителю настоящее вино вместо воды после того, как тот просит освободить его. Это лишь служит доказательством культурной трактовки аналогии обеих жидкостей с магическим воздействием и прекрасно ложится на принимаемую здесь схему интерпретации: *Raz odišla Anička do záhrady a zabudla na stole kľúč od tej izby. Janko už dávno chcel zvedieť, čo tam má, s radosťou pochytil kľúč a bežal otvoriť izbu. Ale sa predesil veľmi, keď tam jedného draka na reťazi uviazaného zazrel. Ten drak mu zavola: ‚Janko, dajže mi vody, veľmi som smädný!‘ ‚Kdeže by sa ti tu voda vzala, ty potvora, ale ti vima dám, ak chceš‘, povedal Janko* «Раз пошла Аничка в сад, а ключ от комнаты на столе забыла. Янко уже давно хотел узнать, что там, радостно схватил ключ и побежал открывать комнату. Увидел там дракона, привязанного на цепь, и испугался. Дракон стал его умолять: ‚Янко, дай мне воды, очень пить хочется!‘ Не дам я тебе воды, гадина, дам тебе вина, если хочешь‘, — сказал Янко» (Dobšinský I 2008: 102).

► также навредить (ограничить возможности / проклясть) либо забрать: *To ňpravda, ty si ju dril'ila do vodi, dze se z nej kačka zrobila* «Это неправда, ты ее бросила в воду, где та превратилась в утку» (Žeňuchová 2014: 110);

Chceš, nechceš, milý princ skočil do mora. Ale ako sa zadíval, keď zbadal, že je na suchom a nie vo vode. Okolo neho všade voda tiekla a on stál na suchu a na ktorúkoľvek stranu sa pohol, všade sa mu voda vystupovala. Našiel šťastlive aj tie tri dukáty a vyniesol ich rytierovi na breh. [...] Ty cez vodu prejdeš suchý; kto sa ale za tebou pustí, každý vo vode zahynie. To budeš mať odo mňa pamiatku «Хочешь не хочешь, милый принц прыгнул в море. Каково было его удивление, когда он понял, что стоит на суше, а не в воде. Вокруг него повсюду вода течет, а он стоит на суше, и стоит ему шаг сделать, вода тут же отступает. Отыскал он три счастливых дуката и вынес их рыцарю на берег. [...] Ты из воды выйдешь сухим; а кто за тобой погонится, того вода поглотит. Это тебе будет от меня на память» (Dobšinský I 2008: 204).

Жизнь как ценность, материализованная в водной символике исходно всегда связана лишь с представлением о текущей (живой) воде, т. е. о движущейся, не стоячей, ничем не ограниченной. Напротив, вода неподвижная, сдерживаемая, стоячая, контролируемая и ограниченная есть вода плохая (мертвая) — она являет собой символ разложения, несчастья, смерти и болезни, связана с демоническим началом, например с чертом, водяным и т. п. (подробнее см. Wilczyńska 2014).

Установившийся в фольклоре образ смерти связан с семейой воды: в словацких народных сказках это находит свое отображение в мотиве ритуального купания / магического контакта с водой (главный герой после контакта с водой приобретает новую жизненную силу)¹³. Можно

¹³ Частным является мотив принесения в жертву актантов сюжета, бросания в воду в качестве символа своего рода смерти: *Ujberce se jedna za šľuďunke... bedže se im fčalo pić vodü, tak jak se napijum, ta vtedi ich zmarnis...* (Žeňuchová 2014: 237); «Одна из вас пусть подойдет к колодцу... если им захочется пить, уьешь их, когда напьются» *Keď deti nanosili dreva, macocha vodu varila na te deti* «Когда дети натаскали дров, мачеха стала кипятить воду, чтобы сварить в ней детей» (Žeňuchová, 2014: 377). Мотив купания в воде нередко опасен для героя. Культурную символику ритуального купания в широком интернациональном контексте рассматривал еще В. Пропп (Propp 1987: 434). Он отмечает, что в сказках можно найти, к примеру, мотив купания в козьем молоке и воде, имеющий символическую ценность. Герой может после ритуального купания в таких магических веществах помолодеть, в то время как вредитель в них сварится, т. е. его сила будет магическим образом преодолена. В словацком фольклоре

добавить, что образы смерти / ограничения (негативной) силы в околоводном пространстве встречаются в фольклорных прозаических жанрах чаще, нежели образ смерти в иных пространственных координатах.

Установившийся в фольклоре образ воды коннотативно связан с опасностью (вода символизирует мифологическую границу между миром живых и миром мертвых; нахождение поблизости от воды может стоить человеку жизни, пространство за водой всегда является пустым, угрожающим, темным — оно связано с демоническим началом), помимо смерти, образ воды сопряжен также с жертвами, страданиями и нищетой: *Život jim ňeodberem, aľe dam jich odšikovac prez vodu na jednu pustacinu* «Жизнь у них я не заберу, но заставлю их перепрыгнуть через воду в одну пустошь» (Žeňuchová 2014: 64);

Ona tam vošja, bjida, do zbančka, a viin jej tam mocno zatkaľ, aľ potim ša zabral ku žeňi i ku tomu d'üčat'u, što ša vernuľ mu po vodu. Prišli na jednu marast, ... totu bjidu tam rutiľ do jazera a zrobiľ tam znak «Она забралась, бедная, в эту бочку, тут же он бочку крепко запечатал, а потом пошел к женщине и девочке и отправился с ними за водой. Пришли они к болоту... он бросил эту несчастную в озеро и поставил там знак» (Žeňuchová 2014: 245);

Či ste ňepočuľi vo takej a vo takej zlatej paňi aj s chlapcom. [...] Tanto pri tej stunňi je živa a mŕtva voda. Na tũ kaľđu noc chodi. [...] A nosi ji pre čertõ «Вы что, не слышали о такой золотой женщине с мальчиком. [...] В том источнике есть живая и мертвая вода. За ней она каждую ночь приходит. [...] И носит ее чертям» (Žeňuchová 2014: 292);

Nad vodov bola chižka a v tej chižke bola taka priprava, že jak človek vošjeľ, stupiľ na dila, dila sa prevracila a človek vpadnuľ do mašini a doraz ho tam na marnje kuski porezalo a do vodi pometalo a voda ho odnjesla (Žeňuchová 2014: 222) «Над водой стояла хижина, а внутри была запад-

также сохранились мотивы купания в молоке, обладающие идентичным значением. В. Гашпарикова (Gašpariková 2002: 668) в сопоставительном комментарии к сказке *Zlatá podkova, zlaté pero, zlatý vlas* («Золотая подкова, золотое перо, золотой волос») отсылает, например, к сказке, сохранившейся на санскрите, где герой после ритуального купания помолодел. В связи с этим мы полагаем, что сам мотив купания может трактоваться как ритуал посвящения. В литературных вариантах сказок повсеместно вместо молока также может фигурировать кипящее масло, либо говорится просто о купании без спецификации конкретного вещества. В. Гашпарикова (Gašpariková 2001: 991) также видит здесь связь с архаичным фольклорным мотивом неудачного бросания героя в печь — вместо героя в печь бросают бабу-ягу (любого другого вредителя). Данный фольклорный мотив распространен по всему миру, однако наиболее укоренен в индийской традиции.

ня, только человек наступал на доску, доска переворачивалась, человек падал вниз, а там его механизм разрубал на куски, куски падали в воду, и водой их уносило» (Žeňuchová 2014: 222);

Ja, rečie Plavčik, idem ku Vratkovi, čo slzy osuša. Nuž, človeče, vetia tu zarmútení ľudkovia, spýtajú sa ho aj to, prečo tá naša studňa vyschla; aby studňa bola plná a radšej naše slzy obschli. To im on vďačne prisľúbil a šiel. [...] Šiel zase a šiel, až prišiel k jednej veľkej vode, cez ktorú priechodu nebolo. Tu zočil jedného starého prievozčika, tomu prosil sa, aby ho previezol «Я, говорит Плавчик, иду к Вратку, который слезы осушает. Ну, человек, говорят ему печальные люди, спроси его, почему наш колодец высох; пусть колодец будет полон, и пусть лучше наши слезы высохнут. Это он им с благодарностью обещал и пошел. [...] Шел он, шел и пришел к большой реке, через которую не было переправы. Нашел одного старого перевозчика и просил его, чтобы тот перевез его» (Dobšinský II 2008: 240);

А. П. Затурецкий тут же приводит различные типы пословиц и поговорок, связанных с мотивом смерти (грусти либо негативных эмоций) и его взаимосвязью с водой, некоторые из них при этом можно возводить еще к традициям славянской дохристианской культуры, например: *Skapal, akoby ho nikdy nebolo bývalo* («Он исчез, словно его и не было») — *Skapal, akoby sa bola voda nad ním zavrela* («Исчез, словно над ним воды сомкнулись») (Záturecký 2018: 117) *Chod' v paromy!* («Иди к чертям!»)¹⁴ — *Chod' v peklo!* («Иди в ад!») — *Chod' v čerty!* («Иди к черту!») — *Chod', kde svine podkúvajú!* («Иди туда, где свиней подкоывают») — *Chod', kde zlé vody stávajú!* («Иди туда, где плохие воды») (Záturecký 2018: 584); *Nech vám smútok vždy voda umýva* («Пусть вашу грусть всегда вода смывает») (Záturecký 2018: 604)¹⁵. Столь же известна

¹⁴ В словацком фольклорном контексте слово „*parom*“ функционирует в качестве ругательства и в качестве составной части входит в состав прибауток заклинающего характера, так, в современном словацком языке бытует расширенное выражение „*doparoma*“. Данная форма отсылает к имени Перуна, славянского божества грома (также известного как Паром), оно воспринимается как синоним экспрессивов: *dočerta, dofrasa (dopekla)*. (Подробнее см. *KSSJa* [<http://slovníky.juls.savba.sk/?w=doparoma&s=exact&c=Oc71&d=kssj4&d=psp&d=sss&d=scs&d=sss&d=peciar&d=hssjV&d=ber nolak&d=obce&d=priezviska&d=un&ie=utf-8&oe=utf-8#>])

¹⁵ Отсылая к сборникам чешских и польских паремий, Затурецкий Záturecký (Záturecký 2018: 288) приводит также следующие варианты: *Prvé štence do vody hádžu* («Первых щенков в воду кидают») — *Prvé štence za plot hádžu* («Первых щенков за забор кидают») — *Prvé štence odpuštence* («Первые щенки не считаются»).

и распространена пословица *V lyžičke vody by ho utopil* («Утопил бы его в ложке воды») (Záturecký 2018: 164) в смысле активного проявления эмоций по отношению к кому-либо.

В упомянутой связи встречается также мотив вина. Его присутствие в паремиях в контексте утопления несет, однако, иные коннотации, имплицитующие контраст воды и вина в словацкой культуре. Как известно, вино символизирует скорее благополучие (беззаботную, богатую жизнь, развлечения): *Mali nás utopiť vo víne* («Нас должны были утопить в вине») (Záturecký 2018: 601); а вода являет собой его противоположность (менее ценная / более скромная либо жалкая, менее качественная): *Ked' nemáš vína, napi sa vody* («Если у тебя нет вина, напейся воды») (Záturecký 2018: 265) *Víno ako voda — víno ako olej* («Вино как вода — вино как масло»), *To víno muselo ísť cez mnohé vody* («Этому вину пришлось пройти через многие воды»), *Na studni voda, na čepce víno [najlepšie sú]* («В колодце вода, в горле вино») [лучше всего]“, *Vodu káže a víno pije* («Воду проповедует, а вино пьет») (Záturecký 2018: 306; 99) и др.¹⁶.

Вино в корпусе словацких народных сказок аналогично соединяется с символикой воды в ее ритуальном использовании — в первую очередь в мотивах поддержания / защиты, но также и ослабления либо прекращения жизни¹⁷. В некоторых фольклорных нарративах (особенно шуточного характера) вода объединяется с вином с целью обмануть / наказать доверчивых людей: *Tak ked ona nam taki špas zrobita, zrobm*

¹⁶ В словацком паремиологическом фонде сохранилась также прогностика, имплицитующая связь воды с вином: *Ked' sa na Vincenta vták na koľaji vody napije, ten rok mnoho vína sľubuje* («Если на Винцента птицы пьют воду из колеи, в этот год будет много вина») (Záturecký 2018: 519) и др.

¹⁷ Функции, воздействие и символика вина как магического напитка в разнообразных ситуациях исследовала на материале текстов устного народного творчества словацкого культурного пространства, напр., Я. Пацалова (Pácalová 2017). Равным образом вино приобретает сакральный характер исключительной значимости. В рамках календарной обрядности оно использовалось как ритуальный напиток на празднествах рода и общины (для укрепления общественного порядка и гармонии) либо (полноты) жизни в соединении с совместным пиршеством. Подробнее см. (Толстой 1995: 373–374). В словацком фольклоре вино фигурирует главным образом в мотивах величания свадьбы или иных значимых для общества событий, имплицитующих сплоченность общины (посредством образа овивания поселения поясом по кругу): *Trafil potim do teho mesta, dze jeho žena bula. Mesto bulo s červenim baršunem ovinute, na každi ulici s bečkami víno vistavene, radosc veľika* (Žeňuchová 2014: 131) «Потом он пришел в город, где была его жена. Во всем городе витал винный дух, на каждой улице стояли бочки с вином, все ликовали».

aj mi jej. Ona sce še vidac za svateho. Tak mi še poubirame za svatic. [...] Ked pridzeme tam, fľašu vina uvadzime na špargu, spuscime ju do studňi; tote tri charingi puscime do jarečku a hľeb zložime do stodoli ku vratom a vezdzeme potim do chiž. [...] Muj ľubečički staruški, vi dobre znace, že mi v ňebe paľenku ňepijeme! Matka zložila chľeba čarneho na stul i falat slaňini. Tote trojmi odpovedaju, že oňi to ňejedza. Ked nas chcece uhoscic, povedzeli, idzce vi, starušku, ku vašej studňi, tam poklopokajce a najdzece tam fľašu vina. Stari tak urobiľ. Pridze ku studňi, poklopka, najdze tam špargu, caha do huri, vicahňe fľašu vina. Priloži ku ustom, polknuľ, hutori matki: Čuješ, matko, pater, koštuj, v našej studňi vino «Так раз она нас так осчастливила, и мы в долгу не останемся. Она хочет выйти замуж за святого. Мы переоденемся в святых. [...] Когда мы придем туда, подвесим бутылку вина на веревку, опустим ее в колодец; „Этих трех рыб мы пустим в ручей, а хлеб сложим в амбар и вернемся по домам/ [...] Мои милые пожилые пани, вы прекрасно знаете, что мы на небесах паленку не пьем!” Мать положила на стол черный хлеб и кусок сала. Трое отвечают, что они этого не едят. Если хотите нас угостить, тетушка, идите к вашему колодцу, поищите там и найдете бутылку вина. Старик так и сделал. Пошел к колодцу, поискал, нашел веревку, потянул, вытащил бутылку вина. Приложил к губам, глотнул, говорит старухе: “Смотри, мать, отче, попробуй, в нашем колодце вино“» (Žeňuchová 2014: 117).

С учетом развития духовной и материальной культуры у славян, не стоит думать, что вино здесь было трансформатом поздних межкультурных контактов, оно получило распространение в первую очередь благодаря контакту с романизированными (романизирующимися) цивилизациями в карпатском бассейне¹⁸. Результатом позднейшего христианского (христологического) влияния стало иконическое ассоциирование вина с кровью, однако семантические аспекты вина в различных фольклорных традициях включают в себя и такие символические пере-

¹⁸ Согласно записям арабских путешественников и средневековых хроникеров, территории, на которых проживали славяне, были богаты медом, поскольку в тех краях процветало бортничество и домашнее пчеловодство (у широких слоев населения были также в ходу напитки из ячменя и проса, которые можно считать предшественниками пива). Вино в пространстве Славии получает распространение начиная с 12 в., на территории Словакии и центральной Европы (среднего Подунавья) все указывает на преемственность виноградарской традиции еще с эпохи, предшествовавшей Великой Моравии, эта традиция, в свою очередь, берет свои корни еще в римских виноградарских обычаях (подробнее см. Baďurík — Benková 2010: 60–61).

плетения, которые никак не могут быть выведены из библейской традиции¹⁹.

Вино функционирует как вещество с двойным магическим действием, актантов нарратива оно может:

► поддержать: *Mam ja na palcu perscen a toten perscen ma na tristo chlopov sili. Aj inakšie šči ci spomožem. Ma moj muž dva sudki vina. Ked se z nich napiješ, budzeš mac zas na tristo chlopov sili* «У меня на большом пальце перстень и в том перстне на триста мужчин силы. Но есть и другой способ, я помогу тебе. Есть у моего мужа две бочки вина. Если ты выпьешь его, будет у тебя силы на триста мужчин» (Žeňuchová 2014: 232);

No, keďže je už tak, že si trúfaš s ním sa sprobovať, na ti tento pohár vína «Ну коли так, раз ты отважился попробовать, вот тебе стакан вина» (Dobšinský I 2008: 83).

► защитить (вариативно воздействие вина на актанта может занимать подчиненную позицию по отношению к первичному магическому воздействию воды): *Milý pútnik už od smädu nedovladoval a tak len pomaly liezol, až i doliezol do kráľovského paláca. Ledva do vrát vstúpil, tu videl naprostred dvora studňu a okolo nej vartu. Ešte zďaleka volal, aby sa mu preboha dali napiť, lebo že už ďalej od smädu nevládze. [...] Varta hneď ako videla cudzeného človeka, nabrala do pohára vody a dala sa mu napiť; a hneď sa ho len spytovala, že či dakde nevidel alebo nechyroval dáku takú krásnu paničku, čo by jej na svete páru nebolo? Ej, akože by som nechyroval, odpovedal tento, veď som ja už celý svet od kúta do kúta pochodil a tak viem o všetkom, čo kde na svete znamenitého jesto. Aj o takej kráse znám, keď dakto na ňu pozrie, hneď od divu omdlieť musí. [...] Na tretí deň ráno poslal ho zase pútnik do paláca, rozpovedal mu i teraz, ako čo má urobiť a*

¹⁹ В некоторых славянских регионах верили, что вода может превращаться в вино (особенно на Пасху). В первую очередь у южных славян покойника натирали водой с вином (либо маслом с вином), чтобы тот не превратился в вампира либо в другое демоническое существо. Вино также обладало лечебными свойствами (особенно в отношении болезней горла), иногда оно использовалось в погребальных ритуальных практиках (вином, иногда вином с водой омывали кости мертвого человека). В культурных сообществах также бытовала вера, что вода может символизировать вино — в связи с этим ритуальное питье воды связывали с верой в питье вина. Помимо этого, существовали представления, согласно которым вино символически ассоциировалось с материнским молоком. Также вино играло свою роль в магии плодородия (важную роль оно имело в ритуалах перехода, в свадебных ритуалах), им поливали голову юноше, чтобы у того были кудрявые волосы, им кропили конские гривы. Как и вода, вино выступало в качестве средства защиты от демонических сил. (Цит. по Толстой 1995: 373–374.)

na jeho veľkô potešenie i to doložil, že jej už teraz smie aj na tvár pohliadnuť, ale len pomaly vždy vyššie a vyššie, a že už môže za plný tanier polievky zjesť a za plný pohár vína vypiť. Ale mu aj prihrozil, aby teraz dobrý pozor dal na seba, lebo že od toho všetko závisí, ako sa teraz držať bude, ak nechce tam zakapať «Странник уже от жажды был еле жив, брел потихоньку и набрел на королевский дворец. Только он вошел в ворота, увидел посреди двора колодец, а около колодца стражу. Закричал он им издалека, прошу вас, дайте мне напиток, я умираю от жажды. [...] Стражники, как услышали слова странника, набрали в стакан воды и спросили его, не видел ли он где прекрасной девушки, которой бы не было равных на свете? Как не видеть, видел, ответил тот, ведь я весь свет исходил из конца в конец и знаю обо всем, что в мире известно. Известна мне такая красавица, что кто на нее посмотрит, тут же лишится чувств от изумления. [...] На третий день отправил его странник во дворец и рассказал ему, как себя вести и к его великой радости добавил, что теперь он может ей и в лицо поглядеть, только надо постепенно все выше и выше, и теперь он может съесть целую тарелку супа и выпить целый стакан вина. Однако ж и пригрозил ему, чтобы теперь он был осторожен, потому что все зависит от того, как теперь он будет держаться, если не хочет там сгинуть» (Dobšinský I 2008: 128, 130).

► усыпить: *Von tú sklenicu vína zau a na jeden dúšok vypiu. Hneď aj usnuí tak, že ani o sebe nevedeu* «Он взял бутылку вина и одним махом выпил. И сразу уснул так, что себя не помнил» (Žeňuchová 2014: 297)

► уничтожить (способствовать смерти, которая, даже если не будет вызвана воздействием вина в символическом значении, может быть обусловлена присутствием водного начала): *Bola som ja dnes v ďalekom, širokom svete a tam som počula, že ten princ tú Zlatú pannu Mahulienu dostal a už sa s ňou domov navracuje, ale že on sotva s ňou domov dôjde. Lebo tá jeho macocha, to je ježibaba a pošle mu naproti veľa vojska ho uvítať, aj jeden pohár vína, z ktorého keď sa napije, hneď ho na kusy roztrhá. [...] Lebo keby sa z toho pohára nenapil, teda mu tá macocha pošle parípu, ktorá s ním hneď do mora skočí, ako si na ňu vysadne. A kto to povie, nech naraz po hrdlo skamenie* «Была я далеко, далеко отсюда и слышала там, что принц Золотую pannу Магульену нашел и возвращается с ней домой, но не вернется он с ней домой. Его мачеха баба-яга, она пошлет ему навстречу войска, и один стакан вина, он его выпьет, и тут же его на куски разорвет. [...] А если он не выпьет, мачеха пошлет ему скакуна, который вместе с ним прыгнет в море, стоит тому на него

сесть. А кто об этом расскажет, пусть весь с ног до головы окаменеет» (Dobšinský I 2008: 131).

Вино ассоциируется также с пространством хтонической силы²⁰. В конечном счете даже инициатива главного героя достать вино из страны «за водой», т. е. из сферы негативной магии (из царства смерти), является частым мотивом фольклорных волшебных сказок. Мотив (магического) получения вина здесь выступает как символический акт, который служит освобождению воды от ее прежней нефункциональности. После того, как герой успешно проходит через испытания инициации, в которых вино и вода играют ключевую роль, он получает возможность расколдовывать, защищать свою и чужую жизнь, нахождение вина за водой помогает ему найти себе невесту: *Či už teraz pôjdeš za mňa? volá na ňu do zámku. Nepôjdem, nepôjdem, len ak mi do rána z toho hrozna vína natlačíš a donesieš, čo za čiernym morom rastie!* «А теперь ты выйдешь за меня? — кричит он ей, а та ему из замка: Не выйду, выйду только, если ты мне к утру из этого винограда добудешь вина и принесешь мне то, что за черным морем растет!» (Dobšinský II 2008: 144).

Vidiš túto širokú vodu? [...] Tá voda musí byť zajtrá zemou zavozená, vinnou visadená, rano abys mi doňiesou z nej dva strapy hrozna a dva pohare vína «Видишь эту водную гладь? Эта вода завтра должна быть землей засыпана, виноградниками засажена, завтра принеси мне две грозди винограда и два стакана вина» (Žeňuchová 2014: 436)²¹.

В утвердившейся редакции словацких народных сказок условием успешной инициации главного героя часто становится получение либо освобождение удерживаемой воды (речь здесь идет о символическом акте временного заклęcia сказочного хронотопа). В этом акте свою четкую роль также играет использование вина, которое служит здесь символической заменой воды: *Ona hovorila, že vie o takom meste, d'že žiadajú vodu veľmi, že mosia (v) víne aj varit', nemôžu kvapky vody dostať. Ale že by ona ved'ela, ako by mohli vodu dostať* «Она рассказывала, что знает о городе, где совсем нет воды, где на вине готовят, и нигде они не могут ни

²⁰ В данной связи показательной является пословица: *V víne u tve bes sidim.* (Цит. по Валенцова, Белова, 2009: 44–47.)

²¹ Приведенный вариант относится к сюжетному типу чудесного испытания, носящего характер инициации, помимо того, что герой с помощью магического помощника высаживает виноградник, он, как правило, должен перекопать / перепахать лес.

капли воды достать. Не могла бы она подсказать, как им достать воды (Žeňuchová 2014: 449)²².

Čô si ty počuï v meste? Já som počul, že tam nemajú vody, ale by mali dost' vody keby si len tú skalu podvihli, čô za mestom pri hore stojí. Hneď by mali vody dost'. [...] Šiel už potom pomedzi svet, de sa čvo vo svete deje. Prišiel do jedného hostinca, pýtal si tam vody, ale mu vody nedali, že jej nemajú, že mu račej vína dajú. [...] Ja vám vodu nájdem, len mi dajte štyroch chlapov «Что ты слышал в городе? Я слышал, что у них нет воды, но воды можно добыть вдоволь, если подвинуть скалу, что стоит за городом возле леса. Сразу будет вдоволь воды. [...] И пошел он скитаться, смотреть, что в мире творится. Заходит на один постоялый двор, спросил там воды, воды ему не дали, говорят, нет у нас воды, мы дадим тебе вина. [...] Я найду для вас воды, только дайте мне в подмогу четверых мужчин» (Žeňuchová 2014: 360–361).

В словацкой культурной метафорике мы находим структурно аналогичные атрибуты, связанные с молоком. Молоко как ритуальный напиток обнаруживает сакральные свойства — именно оно в славянском культурно-языковом пространстве использовалось как средство магической защиты и в то же время как символ красоты и молодости. К примеру, в некоторых славянских регионах молоком умывали детей, «для гладкой и красивой кожи» и чтобы они в дальнейшем сохранили молодость и красоту. Согласно традиционным верованиям, пожар не следовало тушить водой, но землей или молоком²³. Также известно, что молоко с первого надоя следовало выливать в проточную воду, чтобы потом оно текло быстро, как вода²⁴.

²² Второй процитированный фрагмент относится к сюжетному типу удерживаемой воды, когда герой должен отыскать путь к освобождению воды, временно удерживаемой в сфере хтонической силы.

²³ В зависимости от конкретного региона встречаются спецификации использования конкретного вида молока, к примеру, кислого, в некоторых регионах речь идет именно о козьем молоке. (Подробнее см.: Majer-Baranowska 1999: 158.)

²⁴ Цит. по Толстая 2002: 301–303. В качестве дополнения можно прибавить, что у сербов водой омывали скот, чтобы молоко при доении текло словно проточная вода, в других регионах славянского культурного пространства на Юрьев день (24. 4.) свежей водой кропили пчелиные ульи, чтобы мед был свежим, как вода, и пчелы жужжали так, как журчит вода в ручье. (Подробнее см.: Виноградова 1995: 386–390.)

Из сохранившихся и известных словацких фразем можно в данной связи привести шутивную (ироничную) прибаутку, которая наглядно демонстрирует структурные взаимоотношения молока и воды в словацком фольклоре *Všade pestvo, iba v mlieku voda* («Везде козны, лишь в молоке вода») – *Všade klamstvo*,

В памятниках нарративного фольклора молоку приписывается магическая способность хранить и одновременно уничтожать. Подобно воде и вину, молоко приобретает статус ритуального напитка, оно может лечить, улучшать жизнь²⁵, и вместе с тем оно может и лишать жизни²⁶, что лишь служит подтверждением гипотезы о дуальной структуре магического воздействия некоторых ритуальных напитков. Отдельный интерес представляют варианты сюжетов, в которых происходит магическая интеракция героя с молоком на его «пути инициации», причем ткань сюжета последовательно ведет к ритуальному переходу участников через воду для того, чтобы сохранить им жизнь: *Ďurko mój neplač ništ, viem, že si ma prišiou vyslobodiť, dívaj sa: Skoč do toho mlieka, čo je vo válove a okúpaj sa. Podo mnou jest kantár; ten vezneš spod mostiny, s tým mňa udreš a stanem sa tátošom. Milý Ďurko sa vykúpau a hned bou sto rázy krajší a mocnejší. [...] Ďurko nemeškau, vyskočiťu na tátoša a hybaj v nohy. Odrazu mrákavy vidia za sebou. Tátoš sa obzre: „Pohybuj ma lepšie, lebo za nami ľetia šetky diouky strigine aj zo strigou po predku. Ďurko s tátošikom prišiou g jednej rieke, tu tátoš povedau: „Bodni ma skoro, aby som lahšie preletela, lebo ak v okamžení nepreleťime cez riekou, de sa strigina moc končí, tak zme stratený obidvaja* «Не плачь, Дюрко, я знаю, что ты пришел меня освободить, смотри: Прыгни в молоко, что в корыте,

iba v mlieku voda «Везде ложь, лишь в молоке вода» (Záturecký 2018: 152), и поговорку *Krv nie je voda. Krv nenie voda ani mlieko* «Кровь не вода. Кровь не вода и не молоко» (Záturecký 2018: 69) — молоко и вода здесь выступают комплементарно. Они функционируют как сущности, с которыми ассоциируется банальность, меньшая важность сравнительно с кровью в ее метонимическом использовании (кровь здесь сигнализирует кровное родство и ассоциируется с его символической общественной важностью).

²⁵ *A tá mu povie takým slabým hlasom, ako čo by naozaj hned skonat mala: Ach, braček mój drahý, mne sa vidí, že ak mi medveďacie mlieko nespomôže, že mi inšie nie na tomto svete!* «И говорит она таким слабым голосом, словно действительно вот-вот умрет: Ах, братик мой дорогой, мне кажется, если мне медвежье молоко не поможет, так и уже ничто на свете не поможет» (Dobšinský II 2008: 88).

²⁶ *Keď mlieko najväčšmi vrelo, mal Janko do neho skočiť. Ale tátoš na jedno dýchnutie všetku horúčosť z kotla do seba vtiahol. Šuhaj skočil dnu a hned' ostal celý zlatý. Ako to kráľ videl, dostal vôľu aj on tak opeknieť. Kázal mu, aby skoro vyšiel von. Janko vyskočil von a kráľ skočil dnu. Vtom tátoš jedným dýchnutím všetku horúčosť zase do kotla vdúchol. Kráľ hned' omdlel a rozvaril sa celkom* «Когда молоко вовсю закипело, должен был Янко в него прыгнуть. Но чудесный скакун одним дыханием втянул в себя весь жар. Парень прыгнул туда и стал прекрасным. Увидел это король, и тоже захотелось ему стать прекрасным. Приказал он парню немедленно вылезти вон. Янко выскочил, а король прыгнул в котел. Тут конь одним дыханием вернул весь жар опять в котел. Тут же король лишился чувств, да и сварился» (Dobšinský I 2008: 73).

искупайся в нем. Подо мной есть уздечка, возьмешь ее из-под моста, стегнешь ей меня, и я стану быстрым скакуном. Дюрко искупался и сразу стал и прекраснее и сильнее. [...] Дюрко не мешкая, прыгнул на скакуна и только их и видели. Вдруг видят они, летят за ними черные тучи. Оглянулся конь: “Погоняй меня сильнее, за нами летят молодые ведьмы и во главе их старая колдунья”. Подъезжает Дюрко на своем скакуне к реке, тут конь и говорит: “Пришпорь меня как следует, чтобы я смог перескочить одним махом, если мы в один миг не перелетим через реку, ведьмы нас поймают, и тогда нам обоим конец”» (Žeňuchová 2014: 399).

Молоко, несмотря на свой сакральный характер, тесно связано с демоническим²⁷. Молоком кормят домашнего демона / защитника дома, одновременно оно становится объектом пристального интереса со стороны злых сил, а те, соответственно, различными магическими способами стремятся тайно украсть его и вовлечь в свою сферу влияния.

Еще одним магическим напитком с многообразной и очень древней культурной символикой является мед. С культурно-антропологической точки зрения речь вообще может идти об одном из первых ритуальных напитков в мире, выполняющем ту же роль, которую в символике некоторых культурных сообществ сыграло пиво (см. Pitte 2004: 131)²⁸.

²⁷ Дуальная функциональность молока, переплетенная с магическими свойствами воды, в славянской мифологической сфере находит свое выражение в оппозиции живой и мертвой воды — живая вода проточная и свежая, она является репрезентантом ценности жизни и небесной сферы, в то время как мертвая вода, т.е. прибежище хтонических сил, становится подобной молоку, в котором кроется дьявол. Согласно традиционным верованиям, в загробном мире (в стране мертвых за водой) текут молочные реки, причем молочные дороги также приводят душу человека в загробный мир. (Цит. по Толстая 2002: 301–303.)

²⁸ Распространенность медового напитка — *hydromel* (медок) — у славян, балтов, кельтов и германцев отмечает в т.ч. французский ученый Бернар Сержан (Sergent 1995), который считает мед как напиток репрезентативным реликтом первичной функции основного индоевропейского мифа, т.е. сверхъестественного познания, сакральной власти над миром и распоряжения им, магии и права в жизни культурного сообщества. Исследователь полагает, что корень *med связан с ценностью познания, с обозначением „господин / мудрец“, член правящего слоя, который сверхъестественной силой (познанием) с первичным сакральным воздействием. По всей вероятности, корень может отсылать к индоевропейской форме *médhu* в значении мед / медок, зафиксированной в санскрите как *mádhu* (мед, медок), в старонемецком языке *metu*, в ирландском языке *mid* (медок), в литовском *medus*, старославянском *medu*, в прусском языке *meddo* в значении «мед». В некоторых языках индоевропейской семьи, однако, его значение трансформировалось, и слово стало обозначать конкретный вид вина — авест. *mádhu* (вино), греч. *méthu* (вино), в современном греческом языке форма *methi* (*methi*) обозначает одурманенность, опьянение.

В славянском культурно-языковом пространстве значение такого символа, как мед, в ценностном аспекте было связано в первую очередь с тайным знанием, общественной жертвой, принесением жертвы небесной и хтонической сферам во имя сплочения сообщества (*communitas*), также мед использовался в ритуалах гадания²⁹.

Использование меда или молока в качестве активизирующих магических символов абсолютно естественным образом должно было сознательно спроецироваться и в источники нарративного фольклора³⁰.

²⁹ Более подробное описание функций и назначений меда в ритуальных действиях, приуроченных к различным актам календарной обрядности, мы можем найти в статье польской исследовательницы К. Ленской-Бак (*Łeńska-Bak* 2006: 31–48). Мед (как и вино) использовался как магическое средство, при помощи которого предсказывали божью милость и урожай на грядущий год.

Этнолог Э. Хорватова (*Horváthová* 1986: 70) пишет, что в некоторых селах Беллянской долины хозяйка дома, держа перед собой сито, наполненное калачами, спрашивала членов семьи, видят ли те ее за калачами. Направленность данного ритуала и его характер во многом напоминают ритуал рюгенского гадания с медом или вином в культе славянского божества Свантовита.

Функция меда (либо пива / вина) состояла в том, чтобы побуждать носителей культурных ценностей общины к участию в общественной жизни, поэтому данный напиток, и/или его эквиваленты, являлся важной составной частью ритуалов, объединяющих членов общины в одно сплоченное и неразделимое целое. Судя по историческим и литературным источникам, так мед использовался, к примеру, в свадебных, но также и в погребальных или поминальных ритуалах. Арабский хронист 10 в. Ибн Руста в этой связи писал: „... *Und wenn jener Tote verbrannt worden ist, gehen sie zu ihm am folgenden Morgen, nehmen die Asche von jenem Platze, tun sie in eine Urne, und stellen diese auf einen Hügel. Wenn dann für den Toten ein Jahr verstrichen ist, dann nehmen einige 20 Krüge Honig, oder etwas weniger oder mehr, und bringen sie zu jenem Hügel. Dort versammeln sich die Angehörigen des Toten, essen und trinken, und gehen danach weiter weg.*“ (Цит. по Meyer 1931: 93) [*A keď dotýčny zosnulý je spálený, idú k nemu na druhý deň ráno, vezmú z toho miesta popol, dajú ho do urny a položia na nejaký vrch. Keď mŕtvemu prejde rok, tak vezmú asi 20 holiieb medu, viac alebo menej, a donesú ich na ten vrch. Tam sa zhromaždia príbuzní zosnulého, jedia a pijú a potom zasa odídu* «А когда покойного сжигают, к нему приходят на другой день, берут оттуда пепел, подсыпают его в урну и помещают на какой-нибудь холм. Когда пройдет год со смерти, берут 20 мер меда, возможно, больше или меньше, и приносят их на тот холм. Там собираются родственники усопшего, едят и пьют и потом уходят»].

³⁰ Культурная семантика меда ассоциируется прежде всего с ценностями добра, нежности, благожелательности (сладкое, вкусное связывают с позитивными моральными ценностями, которые общество диктует либо ожидает; он также может, однако, прикрывать негативное социальное поведение), в качестве иллюстрации можно привести расширенные фраземы, например: *Dievča krásne ako kvet, dobré ako med, tichučké ako muška a do roboty ako sršeň* «Девушка, красивая, как цветок, тихая, как мышка, и работающая, как шмель» (*Záturecký* 2018: 40), *Vrba, vrba, daj mi muža, červeného ako ruža a bieleho ako kvet a dobrého ako med* «Верба, верба, дай мне мужа, красного, как роза, и белого, как цветок, и хорошего,

Несмотря на парадоксальное утверждение, что мед как символическое магическое средство в сохранившихся устных фольклорных источниках словацкого происхождения встречается достаточно редко, можно при всем при том найти примеры акцентирования воды и медовой (молочной) смеси как магического средства, обладающего сверхъестественной силой, экспонирующей ценности жизни и смерти в контексте их общественного использования. В процитированном издании мед вместе с молоком вступают в отношения оппозиции с водой, сохраняя ценностную ось смерть — жизнь (мед с молоком здесь обнаруживают негативные коннотации, забирают жизнь — вода, напротив, жизнь возвращает / расколдовывает):

Tuná striasol zo seba žobrácie šaty a premenil sa na ozrutnô chlapisko. Dievča povodil po dvanástich chyžiach a rozprával jej. ‚Tu ty mne budeš týchto dvanásť chyž vymetať a jest’ variť, kým ja budem na poľovačky chodiť; ale tamto do tej trinástej nenakukneš, lebo ak to urobiš, priam ťa zabijem. A teraz, hľadže, tu máš kľúče! Ak ma budeš poslúchať, budeš mi ženou a bude ti u mňa dobre!‘ Dobre lebo nebárs! Na druhý deň ráno pobral sa čert, že vraj ide na poľovačku; a zase jej všetko poprihrázał, čo ako má robiť. A naostatok povedal: ‚Tu máš túto človečiu hlavu, uvariš mi ju na večeru a sama si vylúp oči a urež nos a uši z nej, uvar si ich s mliekom či s medom a zjedz ešte, kým ja prídem.‘ A s tým pošiel. Ona sa iba teraz obzrela, kde je, čo je? Ale čože bolo robiť? Pribrala sa len k svojej práci. Tu von na tej širokej lúke bola jedna studňa, tašla najprv na vodu. Ako tú vodu váži, priletia k nej tri biele holúbky a sadnú si na zrub. ‚Oprskniže nás, povedajú, len trocha tou vodou a daj sa nám napiť! Budeme ti na dobrej pomoci!‘ «Тут он скинул с себя одежду и превратился в огромного великана. Провел девушку по двенадцати комнатам и рассказывает ей: Ты у меня будешь подметать эти двенадцать комнат и будешь варить еду, пока я буду ходить на охоту, только в тринадцатую заходить ты не смеешь, если ты это сделаешь, я тебя убью. А теперь вот тебе ключи! Если ты будешь меня слушаться, станешь моей женой, и у меня тебе будет хорошо! Хорошо, да не очень! На другой день наутро черт ушел, словно бы на охоту, но перед тем наказал ей, что она должна делать и

как мед» (Zátúrecký 2018: 47), *Čert aj hriechy medom sladí* «Черт и грехи медом может подсластить» (Zátúrecký 2018: 496), *Medové motúzky mu cez ústa preťahuje* «Протягивает ему через уста медовые веревки» (Zátúrecký 2018: 417), *V ústach med, v srdci jed* «В устах мед, в сердце яд» (Zátúrecký 2018: 150) и др.

как. И напоследок сказал: Вот тебе человечья голова, сваришь мне ее к ужину, сама вырежешь ей глаза и отрежешь нос и уши, сваришь их в молоке и меде и съешь, пока я не вернусь. И на том ушел. Она только теперь смогла осмотреться, где она, что происходит? И что же было делать? Взялась она за работу. На широком лугу стоял колодец, пошла она сперва за водой. Тянет она воду из колодца, прилетели к ней две белые голубицы и сели на сруб. Смочи нас, говорят они, немного водой, и дай нам напиток! Мы тебе хорошо оплатим!» (Dobšinský I 2008: 60)

В рамках данной статьи мы стремились обратить внимание на сходную мотивику рассмотренных веществ в их символическом понимании на материале словацких памятников устного народного творчества (обращая особое внимание на сказки и т. н. малые жанры словесности), в которых вода и вино (также молоко и мед) выступали в качестве культурных символов с двояким функциональным диапазоном, ввиду того, что они могут положительно влиять на жизнь либо причинять смерть (являться представителями сил, которые поддерживают, улучшают жизнь, но также отбирают либо затрудняют ее). Вода и вино как вещества, обладающие магическим воздействием, в нарративном фольклоре противопоставляются чаще, нежели другие типы веществ, хотя существуют случаи, когда вода функционирует в мотивных конфигурациях подобно меду или молоку, реже иным веществам. Иные примеры потенциальных конфигураций материалов нам в пространстве словацкого нарративного фольклора не встретились.

Опираясь на уже реконструированные в этнолингвистике концепты данных веществ в славянской культуре, мы постарались продемонстрировать культурный фон их специфических символических взаимоотношений, которые в славянском нарративном фольклоре занимают особое место.

Из всего корпуса доступных источников нами были отобраны тексты, отражающие стремление носителей культуры к отождествлению указанных веществ (в особенности воды и вина, также воды и молока или меда), к их взаимной конфронтации и объединению в нарративной структуре текстов посредством конкретных мотивов. Речь здесь, однако, шла не только об описании коннотаций символов отдельных веществ в форме специфических фольклорных мотивов, связанных с жизнью и смертью как основными человеческими ценностями, но и об анализе случаев, в которых данные материалы взаимно обуславливают друг друга в текстовой наррации.

Мы полагаем, что взаимосвязь воды с вином (также с другими рассмотренными веществами), отраженная и достоверно идентифицируемая в доступных фольклорных источниках, стала результатом восприятия носителями культуры аналогии данных веществ в словацком культурном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

- Валенцова, Белова 2009 — *Валенцова М. М., Белова О. В.* Пиво // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 4. М., 2009.
- Виноградова 1995 — *Виноградова Л. Н.* Вода // Славянские древности. Т. 1. М., 1995.
- Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* Вино // Славянские древности. Т. 1. М., 1995.
- Толстая 2002 — *Толстая С. М.* Молоко // Славянская мифология. М., 2002.
- Afanasjev 1916 — *Afanasjev A. N.* Russian Folk-Tales. New York : Dutton Co., 1916.
- Baďurík, Benskóvá 2010 — *Baďurík J., Benskóvá E.* Slovania a víno — od medoviny k vínu. // *Vinič a víno*. Bratislava, 2010. 11/ 2.
- Barthes 2004 — *Barthes R.* Mytologie. Praha, 2004.
- Bartmiński 1990 — *Bartmiński J.* Folklor — język — poetyka. Wrocław, Varšava, Krakov, 1990.
- Bartmiński 2012 — *Bartmiński J.* Aspects of Cognitive Ethnolinguistics. Sheffield, Oakville, 2012.
- Bartmiński 2016 — *Bartmiński J.* Jazyk v kontextu kultury. Praha, 2016.
- Dobšinský 2008 I — *Dobšinský P.* Prostonárodné slovenské povesti. 1. zv. Dostupné na internete: https://zlatyfond.sme.sk/dielo/585/Dobsinsky_Prostonarodne-slovenske-povesti-Prvy-zvazok.
- Dobšinský 2008 II — *Dobšinský P.* Prostonárodné slovenské povesti. 2. zv. Dostupné na internete: https://zlatyfond.sme.sk/dielo/531/Dobsinsky_Prostonarodne-slovenske-povesti-Druhy-zvazok.
- Gašparíková 2001 — *Gašparíková V.* Porovnávacie komentáre k jednotlivým rozprávkovým textom. // *Slovenské ľudové rozprávky*. 2. zv. Bratislava, 2001.
- Gašparíková 2002 — *Gašparíková V.* Porovnávacie komentáre k jednotlivým rozprávkovým textom. // *Slovenské ľudové rozprávky*. 1. zv. Bratislava, 2002.
- Greimas 1985 — *Greimas J. A.* Des dieux et des hommes. Paris, 1985.
- Horváthová 1986 — *Horváthová E.* Rok vo zvykoch nášho ľudu. Bratislava, 1986.

- KSSJa — Krátky slovník slovenského jazyka. Bratislava. Dostupné na internete: <http://slovníky.juls.savba.sk/?w=doparoma&s=exact&c=Oc71&d=kssj4&d=psp&d=sss&d=scs&d=sss&d=peciar&d=hssjV&d=bermolak&d=obce&d=priezviska&d=un&ie=utf-8&oe=utf-8#>.
- Lur'e 1964 — *Lur'e J. S.* Une légende inconnue de Salomon et Kitovras dans un manuscrit du XVe siècle. // *Revue des études slaves* 43. 1964.
- Lašuková 2009 — *Lašuková V.* Folklórny vektor v kodifikácii bieloruského a slovenského jazyka. Prešov, 2009.
- Leńska-Bąk 2006 — *Leńska-Bąk K.* Obrzędowa funkcja miodu. // *Literatura Ludowa*. 2006. 50/4-5.
- Majer-Baranowska 1995 — *Majer-Baranowska U.* Dualizm religijny w ludowych wierzeniach o pochodzeniu wody. // *Folklor — sacrum — religia : praca zbiorowa / pod red. Jerzego Bartmińskiego i Marii Jasińskiej-Wojtkowskiej*. Lublin, 1995.
- Majer-Baranowska 1999 — *Majer-Baranowska U.* Woda. // *Słownik stereotypów i symboli ludowych. Tom 1 Kosmos — ziemia, woda, podziemie*. Lublin, 1999.
- Meyer 1931 — *Meyer C. H.* *Fontes historiae religionis slavicae*. Berlín, 1931.
- Pácalová 2017 — *Pácalová J.* Vínko ani biele, ani červené... mocné : poznámky k podobám a funkciám vína v slovenských rozprávkach. // *Víno, ženy, zpěv. V(d)ěčné téma literárních dějin : studie z literatury ad honorem Dalibor Tureček*. — České Budějovice, 2017.
- Pitte 2004 — *Pitte J.-R.* *Le vin et le divin*. Paríž, 2004.
- Propp 1987 — *Propp V.* *Die historischen Wurzeln des Zaubermärchens*. Mníchov, Viedeň, 1987.
- Sergent 1995 — *Sergent B.* *Les Indo-Européens. Histoire, langues, mythes*. Paríž, 1995.
- Sielicki 2017 — *Sielicki S.* Indo-Iranian parallels of the Slavic water rites of the oath and guilt confirmation attested in Medieval Latin accounts and Slavic law codices. // *Studia Mythologica Slavica*. Ljubljana, 2017.
- SSSL 1999 — *Słownik stereotypów i symboli ludowych. Tom 1 Kosmos — ziemia, woda, podziemie*. Lublin, 1999.
- Tolstoj 2016 — *Tolstoj N. I.* *Magie slova a textu*. Praha, 2016.
- Wilczyńska 2014 — *Wilczyńska E.* Magiczne właściwości wody żywej w funkcji napoju // *Literatura Ludowa I*.
- Záturecký 2018 — *Záturecký A. P.* Slovenské príslovia, porekadlá a úslovia. Bratislava, 2018.
- Žeňuchová 2014 — *Žeňuchová K.* Zbierka ľudovej prózy Samuela Cambela. Prameň k výskumu rozprávačskej tradície na Slovensku. Bratislava, 2014.

Lubomír Gábor (Bratislava)

Image of the relationship of selected substances in folklore sources

Abstract: In this article, we analysed the structurally fixed image of water and wine, or water, milk and honey as substances with magical effects in selected genres of folk narratives of Slovak origin — with emphasis on fairy tales and also short genres of narrative folklore, namely proverbs and saying.

This text is based on the available text material of fairy tales of Slovak collectors and editors of folklore material as Pavol Dobšinský (Augustín H. Škultéty), because his work contains many valuable motives and variants of narrative types, it is based on a relatively massive amount of text variants of fairy tales in the folk environment. We worked further on material of the texts written in folk dialects directly in the field — in the regions of Central and Eastern Slovakia, which was edited by Samuel Cambel at the beginning of the 20th century. We finally demonstrated the cultural fixation of the symbolic connotations especially of water and wine (or honey and milk, as well) in the most comprehensive collection of phrasemes from the Slovak environment by Adolf Peter Záturecký *Slovenské prislovia, porekadlá a úslovia* containing approximately 13,000 variants of proverbs and saws (we used a reprint of the older edition with critical comments).

At the same time, with the support of the available text variants, we showed that the functional use of these substances in folklore was connected with life and death as axioms in the context of social coexistence. With the support of specific ethnographic records and ethnolinguistic reconstructions of the substances in the Slavic cultural area (in this context, we referred in particular to the ethnolinguistic dictionaries of the Russian and Polish academic environment of *Славянские древности* and *Słownik stereotypów i symboli ludowych Tom 1 Kosmos — ziemia, woda, podziemie*) we have pointed out the ritual use of these substances in the Slavic cultural communities, in which they might serve to certify the unity of community.

These substances with a magical effect metaphorically expose life and death in folk symbolism in multiple axiomatic presentations: life is given and taken, improved (saved) and worsened, strengthened and weakened. They are connotations of the chthonic sphere, as well. The relations among the named substances were followed by the process from indirect analogies, in which the motives of their magical effect/using resemble, to the direct connections and occurrence of these beverages in the textual structure of narration of selected stories of folklore prose. We suggested that there

are motivic analogies in the performance of these substances, which may gradually lead to their association or interdependence in the text structure of particular narrative types. In folklore of the Slovak cultural area, water with wine are the most intensely connected, and their structurally fixed cultural relationship is clearly pronounced even in preserved and widespread phrasemes — proverbs and saying.

We tried to prove that these substances were perceived as symbols of life and death in the folklore sources of Slovak origin in the context of social coexistence, or as the power of strengthening, improving, but also taking or worsening life.

Key words: life, death, water, wine, milk, honey, folk culture.

Note on the author: Mgr. Ľubomír Gábor, PhD. Research fellow, Jan Stanislav Institute for Slavistics Slovak Academy of Sciences. Email: lubomir.gabor@gmail.com.

(Перевод со словацкого Д. Ващенко)